

*Потрясающим врачам — Риз, Ламонт, Поттер —
и особенно чудо-труженицам
Грейс Розенберри и Фейт Ньюсом.
Море любви исследовательскому центру онкологии
имени Мэри Кроули за работу над редкими видами рака.
Саре, Люсьенне, Тец и Джемме —
первым из группы поддержки.
Эта книга не была бы написана
без душевной поддержки Лиз Пирсонс,
которая всегда отлично понимала цикл «Мертвое озеро»
и всех его персонажей и верила в невозможное.
И наконец, моему любимому мужу Кэту.
Спасибо тебе. Всегда.*

Пролог

Было нечто зловеще гипнотическое в ночной езде на машине. Руль под ладонями был теплым и казался почти живым. Она тоже чувствовала себя живой — впервые за долгое время. Энергия бурлила в ее жилах, предвкушение оставляло на языке металлический привкус — такой острый, что она могла ощутить его физически. Ночь была темной, но утром все, абсолютно все должно было стать новым и замечательным. Она представляла, как восход солнца омывает все розовым и желтым светом, делая идеальным.

Нужно только пробиться на другую сторону. И она могла это сделать. До утра уже было рукой подать, и она была готова.

Она думала о том, что дарило ей подлинное ощущение покоя — в первый раз за долгое время.

Но покой треснул и раскололся, когда она услышала шорох на заднем сиденье, потом капризный кашель, потом громкий вдох. Она ощутила прилив неподдельной, усталой ярости.

«Не плачь, не смей плакать...»

Первый вопль был настолько громким, что мог бы разбить стекло, а мгновением позже к нему присоединился плач второго ребенка — не в лад и невпопад. Она почувствовала, как ее грудная клетка прогибается под тяжестью первобытного, неприкрытого раздражения. На глаза ей навернулись слезы, и она стерла их, думая: «Все

в порядке, все в порядке, все будет в порядке, ты знаешь, что делать». Протянув дрожащую руку, включила радио, прибавила громкость и заставила себя продолжать дышать, дышать, в то время как дети продолжали вопить. «Тише, милые», — артикулировала она, но не сказала этого вслух, потому что они все равно не услышали бы и не поняли бы.

Утро приближалось. Она пыталась вообразить, как на черном горизонте разгорается рассвет, ведя ее в будущее. Музыка поможет. Должна помочь.

Она вела машину через длинный, холодный туннель ночи, слушая крики на заднем сиденье, пока они не перешли в икоту, потом постепенно превратились в тихое капризное хныканье, а потом наконец прекратились. Выключила музыку и свернула влево, с одной узкой неосвещенной дороги на другую. Она внимательно следила за GPS-навигатором на своем телефоне — это был единственный способ как-то ориентироваться здесь, в глуши. В этот ночной час в загородной местности Теннесси было темно, как на дне колодца. Поблизости не было даже поселений, достойных упоминания. Она едва могла различить слева слабый отблеск на небе — видимо, там находился Нортон, насколько можно было судить. Она находилась в малонаселенной части штата у подножия холмов — здешние жители-параноики строили укрепленные жилища и всегда держали под рукой оружие; возможно, кое-где сохранились старые охотничьи хижины, обитатели которых питались тем, что могли добыть на охоте. Некому было заметить, как она куда-то едет.

Она превратила эту поездку в работу, выполняемую по жесткому графику. Одна ночь за другой, такие же, как эта, всегда по одному и тому же расписанию. Множество проселочных дорог, почти ненаезженных грунтовок. Ей все равно. Девочек всегда было трудно

успокоить, все ее соседи это знали. Она видела, как люди часто бросают на нее мрачные взгляды, словно говоря: «Ты что, не можешь заставить их помолчать?»

Она посмотрела на детей в зеркало заднего вида и ощутила, как к глазам снова подступают слезы. Безнадежные, беспомощные, злые слезы. «Я люблю своих детей. Действительно люблю. Так будет лучше». Завтрашний день будет другим. Завтра все будет правильно. Она просто должна держаться за это убеждение.

Она плавно остановила машину и опустила стекло. Сначала до ее слуха донеслось кваканье — хор лягушек был таким громким, что ввинчивался в уши, точно сверло. Дорога, на которой она остановилась, была заасфальтирована — но давно и небрежно, и по краям осыпалась; обочины изрядно раскисли. Развернуться и поехать обратно? Невозможно.

Здесь, на дне ночи, воняло стоялой водой и гнилью. Это не был запах чистой воды, как бывает у озера. Здесь было полным-полно старых, застоявшихся прудов, поросших ряской.

И у людей были причины держаться подальше отсюда.

Она сидела, фальшиво напевала себе под нос и долго-долго вслушивалась в ночные звуки. Девочки молчали, и, посмотрев в зеркало заднего вида, она увидела, что их ангельские личики выражают лишь покой — дети уснули.

«Я просто должна повернуть машину обратно и забыть обо всем», — подумала она. Но правда заключалась в том, что если она сделает это, если поедет домой, то потом все равно окажется здесь — завтра, через неделю, через месяц. Она слишком хорошо знала себя, чтобы поверить, будто она может настолько измениться. Трепет в желудке, зудящее желание двигаться куда-то... оно бы-

ло сильно до невыносимости. Только поездки на машине спасали ее в последние несколько недель.

Но вскоре и они перестанут помогать.

Свет чьих-то фар вдали застал ее врасплох, она едва не ахнула. Но потом вздохнула с облегчением, поскольку это означало, что с ожиданием покончено. Теперь она ощущала прилив предвкушения, словно обещание утра, разгорающегося на горизонте, уже начало сбываться.

— Все будет в порядке, — сказала она своим детям. Те едва заметно пошевелились во сне. — Мамочка обо всем позаботится.

Ей нужно было лишь решиться и быть сильной.

1

ГВЕН

Все начинается очень славно, потому что вечером в пятницу приходят документы на усыновление.

Сэм Кейд, мой любовник и семейный партнер, теперь официально становится приемным отцом для моих детей, Ланни и Коннора Прокторов. И когда мы получаем это судебное постановление, садимся вместе с детьми за стол, едим торт, обнимаемся и плачем от радости, и любовь между нами так сильна, так велика, что распирает меня изнутри. И все выходные проходят просто чудесно. Лучше, чем когда бы то ни было.

Но утром в понедельник, в темный час перед рассветом, я просыпаюсь с бешено колотящимся сердцем и с тяжелым, мгновенно возникшим убеждением в том, что что-то не так. В горле у меня ощущается слабый привкус крови — остаток кошмара, который ускользает в туман прежде, чем я успеваю запомнить его.

Не считая шепота, последнего тихого слова. «Джина». Мое старое имя, которое теперь для меня мертво, потому что Джина Ройял, бывшая жена серийного убийцы, — лишь воспоминание, призрак. Но мне слишком хорошо знаком этот голос из кошмара, и я чувствую, как в моих жилах бурлит адреналин. Мне приходится напоминать себе, что этот голос — не настоящий, не может быть настоящим, что мой бывший муж, Мэлвин Ройял, мертв и гниет в земле, его больше нет. Но моему телу плевать

на логику. Оно просто реагирует на его голос, и я не могу контролировать эту реакцию... пусть даже этот голос — лишь плод моего измученного воображения.

Я знаю, почему он преследует меня. Мэлвину не нравится, что кто-то другой заменил его в жизни его детей. Но Мэлвин Ройял — монстр, который совершенно не заслуживает того, чтобы они его помнили.

«Гори в аду, Мэлвин».

Я размеренно дышу, пока мой пульс не успокаивается, кровавый привкус уходит, адреналиновая дрожь затихает.

Наконец смотрю на часы. Четыре часа утра. Я слегка поворачиваюсь и чувствую рядом с собой тепло тела Сэма; мой любовник еще не проснулся, он негромко посапывает во сне. По крайней мере, я его не потревожила. Пытаюсь устроиться поудобнее, прижавшись к нему — тесно, словно один кусочек головоломки рядом с другим. Это должно вернуть мне некое подобие покоя, снова унести меня в царство снов.

Но я чувствую, как волосы у меня на затылке тихонько шевелятся сами по себе. Кошмар ушел, но что-то по-прежнему не так. Я научилась обращать внимание на сигналы примитивных инстинктов — это не раз спасало мне жизнь.

Выскальзываю из постели, не разбудив Сэма — или мне так кажется, потому что, когда я протягиваю руку к закрытой двери спальни, то слышу его голос, настороженный и совершенно не сонный:

— Что-то с детьми?

— Не знаю, — отвечаю я ему. — Просто хочу проверить. Вероятно, ничего такого.

Я не хочу говорить ему про мой сон. Мэлвин — тень, которая всегда стоит между нами, и не без причины. И этот сон не имеет никакого отношения к моей нынешней тревоге.

— Что ж, я все равно собирался встать и попить воды, — небрежным тоном говорит Сэм. Он уже встал с кровати и надевает домашние тапки. Я сама обулась на рефлексе, неизменно готовая к тому, чтобы куда-то бежать. Уже наступила весна, но в такой ранний утренний час по-прежнему зябко. Я чувствую голыми лодыжками холодный воздух, когда отворяю дверь спальни.

На миг чувствую себя сбитой с толку. Это не мой коридор. Он слишком широкий, и ковровое покрытие не того цвета. Я не понимаю, где нахожусь, но потом все встает на свои места. Я вспоминаю наш старый дом у озера Стиллхауз. Но мы переехали. Дом у озера выставлен на продажу, и сейчас его кто-то снимает, но, надеюсь, в ближайшие несколько месяцев его кто-нибудь купит. Теперь мы живем в Ноксвилле. Новый дом. Новые, дружелюбные соседи. Хорошая школа для детей. Все в порядке.

Вот только настойчивое покалывание в затылке говорит мне, что что-то не так.

«Джина, — слышится в глубине моего сознания шепот Мэлвина. — Можешь бежать сколько угодно. Но ты никогда не сможешь убежать достаточно далеко».

«Ты мертв, — отвечаю я ему. — Это достаточно далеко».

В коридоре темно; путь мне озаряет только подсветка, протянутая вдоль плинтуса. Комната Коннора — первая направо от нашей спальни. Я чуть-чуть приоткрываю дверь и вижу, что мой сын не спит. Он сидит в кровати, уставившись в темноту. Когда поворачивается ко мне, я вижу, что лицо у него бледное.

— Ты это слышала? — спрашивает он тихим шепотом. Коннор больше не мой маленький сыночек — за исключением таких вот моментов. Ему уже почти пятнадцать. Я хочу, как когда-то, сгрести его в объятия и укачивать, успокаивая, но не делаю этого. Я начинаю осознавать, как тяжело мне пережить то, что даже мой младший ребенок — уже не дитя. Что я должна позволить ему вырасти.

— Все в порядке, — говорю я Коннору. Сэм стоит позади меня в дверном проеме. — Мы сейчас все выясним. Ты помнишь план?

Коннор кивает. Он помнит. Все в этом доме помнят план действий на экстренный случай.

Я закрываю дверь его комнаты и слышу, как он встает и запирает внутренний засов, который я установила в целях безопасности. Хорошо. Шаг первый: задержать чужака, не дать сразу попасть в комнату. Шаг второй: если через несколько минут не будет дана отмашка «все чисто» — нажать кнопку, которая передаст сигнал тревоги прямо в полицию Ноксвилла. Шаг третий: выбраться в окно и бежать за помощью. Не останавливаться ни в коем случае.

Мы все знаем этот план, поскольку всегда есть шанс, что нам придется им воспользоваться.

Я иду в ванную. Там темно, но я все равно проверяю окно. Оно крепко заперто, к тому же настолько мало, что большинство людей вряд ли способно пролезть в него. Затем я направляюсь к комнате дочери. Тут тоже темно, но, открыв дверь, я улавливаю порыв свежего, влажного уличного воздуха. Окно в комнате закрыто — но закрыто не так уж давно.

«Черт возьми!»

Я включаю свет, и Ланни — Атланта, однако никто, кроме учителей, не называет ее полным именем — стонет и поворачивается, бросая на меня сердитый взгляд. На ее лице все еще виден клубный макияж — темные тени с блеском вокруг подведенных глаз, на щеках нарисованы серебристые звезды. Волосы окрашены в несколько ярких оттенков.

— Что такое? — рычит она, потом снова стонет, уткнувшись лицом в подушку.

Я подавляю вулканическое извержение страха, злости и негодования, поднимающееся в моей душе.

— Где ты была?

— Нигде.

— Ланни, ты явно только что вошла. Ты снова сняла свое окно с сигнализации. Ты знаешь, какой опасности подвергаешь своего младшего брата, когда так поступаешь?

Иногда подобное воззвание к совести срабатывает.

Но не сегодня. Ланни заворачивается в одеяло и прячет голову под подушку.

— Ты можешь просто оставить меня в покое? День был такой хороший, зачем тебе надо было все испортить?

Моей дочери через месяц исполняется семнадцать лет, и я ничего не могу с этим поделать. Она знает, что за пределами дома небезопасно, однако плюет на это — или намерена доказать, что способна справиться с чем угодно. Это ужасает. Меня, конечно, радует, что моя дочь настолько сильная — если б страх потерять ее не терзал меня так отчаянно. Но она пока не взрослая, и я знаю, что должна найти способ удержать ее в узде еще год, пока она не сможет решать за себя сама. Делать собственные ужасные ошибки, которые я не смогу предотвратить, нести последствия, от которых я не смогу ее спасти. Как же тяжело быть теми, кто мы есть: большинство девушек ее возраста сталкиваются совсем с другими сложностями, чем те, которые приходится переживать дочери Мэ-лвина Ройяла. Ставки для нас всегда намного, намного выше.

Я хочу завернуть своих детей в пузырчатую пленку, держать их в безопасности на полочке и ни за что не позволить миру причинить им хоть каплю вреда. Но они сделаны не из фарфора, и как бы сильно ни было мое желание защитить их, я должна сопротивляться этому желанию. Я должна ослабить объятия, в которых держу их, а не сжимать еще сильнее.